

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНА

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ильин Владимир Александрович

ORCID: 0000-0003-4536-6287

Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а)

✉ ilin@vsc.ac.ru

Кожевников Сергей Александрович

ORCID: 0000-0001-9063-6587

Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а)

✉ kozhevnikov_sa@bk.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

пространственное развитие, социокультурная трансформация, Россия, северные регионы, геополитические вызовы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ильин В.А., Кожевников С.А. Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 16–29.

АННОТАЦИЯ:

Обострение существующих геополитических вызовов актуализирует задачу повышения эффективности государственного управления с опорой на использование внутренних факторов развития страны и ее регионов. Для этого важным, в первую очередь, является осмысление промежуточных итогов развития страны в рамках либеральной модели (1992-2022 гг.), результатов и последствий пространственной и социокультурной трансформации ее регионов, а также обоснование приоритетов и инструментов совершенствования государственной политики с учетом стоящих вызовов. Эти обстоятельства и обусловили актуальность представленной рукописи.

Цель исследования: исследовать особенности, последствия пространственной и социокультурной трансформации регионов России в постсоветский период и предложить инструменты повышения эффективности государственного управления по обеспечению их комплексного развития.

Методология. В работе использовались монографический, компаративный, исторический, социологический, экономико-статистический методы исследования.

Результаты и выводы. Выявлено, что результатом развития России в рамках либеральной модели стало значительное разрушение промышленного потенциала страны и ее технологического суверенитета ввиду нарастания депрессии в обрабатывающей промышленности; форсированные темпы депопуляции Севера, Дальнего Востока, сельской местности; обострение проблем социального неравенства и др. При этом данные негативные тенденции особенно остро проявились в северных

регионах, составляющих $\frac{2}{3}$ площади страны. В статье обосновано, что для пространственного развития данных территорий характерно форсированное локационное сжатие, т. е. концентрация хозяйственной деятельности в ограниченном числе центров экономического роста на фоне разрушения человеческого, экономического, инфраструктурного потенциала средних/малых городов и периферийных муниципалитетов. Показано, что данные негативные процессы оказали существенное влияние и на социокультурную трансформацию регионов Севера (отмечается рост числа людей, не уверенных в завтрашнем дне; низкий уровень их межличностного доверия; определенное разрушение традиционных морально-нравственных ценностей и др.).

Обоснованы приоритеты и инструменты государственной политики по комплексному развитию регионов с опорой на использование их потенциала. На федеральном уровне они связаны, прежде всего, с формированием нового общественного договора и образа будущего страны. Приоритетами политики на региональном уровне могут стать формирование полицентричной пространственной структуры на основе развития агломераций; модернизация экономики малых/средних городов, развитие их как опорных населенных пунктов; возрождение, в том числе на инновационной основе, социально-экономических связей по линии «город – село».

Область применения. Научная значимость исследования заключается в выявлении довольно сильных взаимосвязей между экономической, пространственной и социокультурной трансформацией российского общества. Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании федеральной и региональной социально-экономической политики.

Актуальность проблематики

Ключевой тенденцией геополитического и геоэкономического развития мирового общества в последние десятилетия является усиление противостояния ведущих цивилизаций – западной (США, ЕС), континентальной (Россия), азиатской (Китай, Индия) в экономической, идеологической, социокультурной сферах за роль нового «центра силы» и расширение его пространства влияния [1; 2].

В результате в 2022 г. такое противостояние вылилось в открытую конфронтацию на Украине в форме специальной военной операции (СВО), а также привело к нарастанию санкционного давления на Россию со стороны стран коллективного Запада. В частности, с февраля 2022 г. в адрес нашей страны было введено более 9 тыс. санкций, что в три раза больше, чем получил Иран за 40 лет (Рис. 1).

Для справки: санкции против Ирана в основном вводились США после Исламской революции в 1979 г. Они были растянуты по времени, но очень похожи на текущие санкции против РФ: «заморозка» всех активов и золотых запасов Ирана в банках США; запрет на межбанковскую деятельность; торговые ограничения, запрет на совместные научные исследования и др.

Для понимания текущего положения дел, а также потенциа-

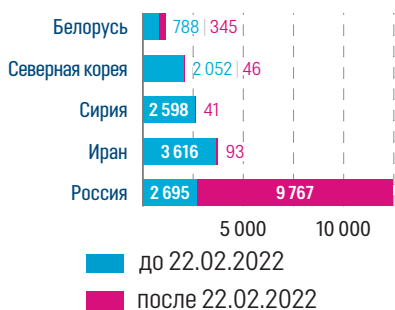

Рис. 1. Страны-лидеры по количеству введенных по отношению к ним санкций (по данным на 05.11.2022), ед.

Источник: Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.11.2022 г.).

ла для превращения России в такой мировой «центр силы» является важным осмысление промежуточных итогов социально-экономического развития страны в течение трех последних десятилетий в рамках доминирующей в этот период либеральной модели управления, последствий пространственной и социокультурной трансформации ее регионов, а также научное обоснование приоритетов и инструментов совершенствования государственной политики с учетом возникших в настоящее время вызовов. Эти обстоятельства и обусловили актуальность представленной рукописи.

Цель работы – исследовать особенности, последствия пространственной и социокультурной трансформации регионов России в постсоветский период и предложить инструменты повышения эффективности государственного управления по обеспечению их комплексного развития.

Для достижения указанной цели в работе были поставлены и решены следующие задачи:

1) выявлены особенности и ключевые итоги социально-экономического развития России в рамках либеральной модели в 1992-2022 гг.;

2) проведен анализ пространственных и социокультурных трансформаций регионов России в постсоветский период;

3) обоснованы приоритеты и разработаны инструменты повышения эффективности государственной политики по комплексному развитию регионов с опорой на использование их внутреннего потенциала.

Информационной базой исследования выступили работы ведущих ученых по пространственной, региональной и институциональной экономике, политологов и философов; данные Росстата и его территориальных органов, ведомственная статистика, а также собственная богатая эмпирическая база, собранная в рамках системы мониторинга эффективности управления, сформировавшейся в ВолНЦ РАН с 1990-х гг. (Рис. 2).

Здесь отдельно следует отметить мониторинг общественно-

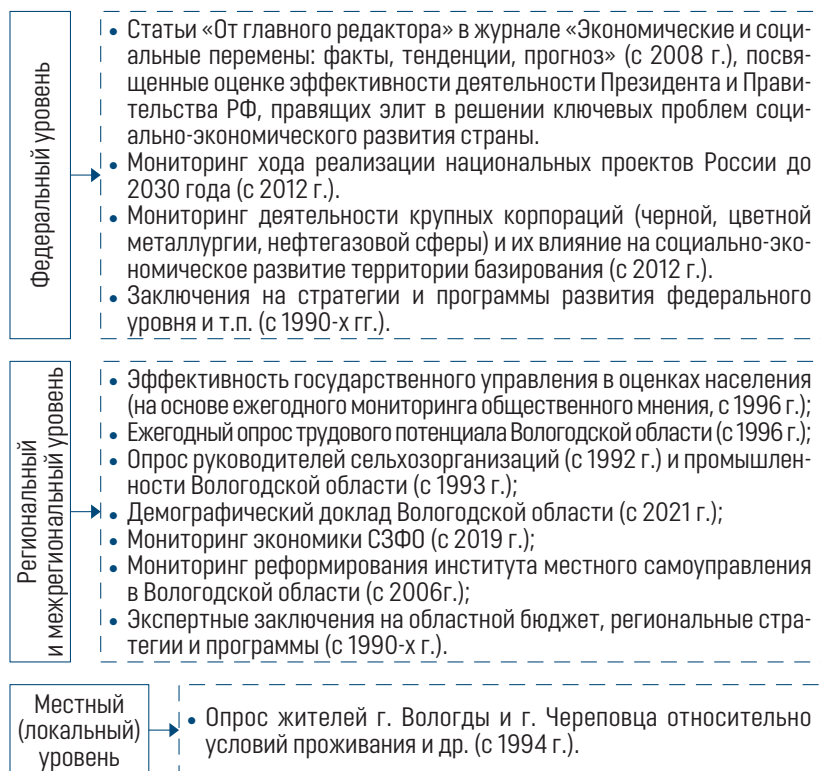

Рис. 2. Система мониторинга эффективности управления в ФГБУН ВолНЦ РАН.

го мнения, который ВолНЦ РАН проводит с 1996 года на территории Вологодской области. Он позволяет «держать руку на пульсе» событий, в режиме реального времени отслеживать изменения в состоянии общества.

Мониторинг проводится по единой методике, каждая «волна» опросов осуществляется 1 раз в 2 месяца (были всего два «пропуска» только в 2020 г. из-за карантинных ограничений). Опрашиваются жители двух городов (г. Вологда, г. Череповец) и восьми районов Вологодской области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский) старше 18 лет. Объём выборочной совокупности составляет 1 500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

Самое главное, что охват тематических рубрик мониторинга позволяет нам всесторонне анализировать тенденции развития общества в самых разных его аспектах – от оценки деятельности всех уровней публичной власти и самооценки людьми динамики материального положения до оценки населением своего внутреннего психологического состояния, особенностей взаимоотношений с другими людьми, гражданской активности и т.д. Причем делать это всё

Итогом череды рыночных реформ стало разрушение промышленного потенциала страны и ее технологического суверенитета

в разрезе ключевых социально-демографических категорий населения: по полу, возрасту, уровню образования, самооценке доходов, территории проживания и т.д. Таким образом, сформировавшаяся к настоящему времени в ФГБУН ВолНЦ РАН система мониторинга позволяет проводить комплексную оценку эффективности управления на всех уровнях иерархии, в том числе на региональном и межрегиональном.

Некоторые итоги социально-экономического развития России в рамках либеральной модели

В 2022 г. исполнилось 30 лет с того момента, когда Россия, разом порвав с идеологией и целями развития социалистического общества, плановыми методами в экономике, перешла на модель развития в рамках либерального капитализма путем проведения с 1992 г. рыночных реформ в «шоковом» варианте (полная либерализация

цен, приватизация и т.п.) и дальнейшего ухода в 1990-е гг. государства с ключевых командных высот субъектов национальной экономики.

Несмотря на решение или снижение остроты ряда проблем в социально-экономическом развитии России в 1992-2022 гг. (например, сокращена бедность широких слоев населения, обеспечена финансовая стабильность государства, завершены внутренние межнациональные конфликты: чеченская война и иные сепаратистские проявления), ключевые негативные последствия этого периода, на наш взгляд, были связаны в первую очередь с усилением интеграции российской экономики в мировую (западную) систему разделения труда на принципах сырьевого прироста, а культуры жизни населения и производства – в капиталистическую систему ценностей (жажда наживы, разрушение коллективизма и т.п.), которую правящая элита страны всячески поддерживала.

В частности, итогом череды рыночных реформ стало разрушение промышленного потенциала страны и ее технологического суверенитета за счет нарастания депрессии в обрабатывающей промышленности и ускоренного развития сектора добычи полезных ископаемых и сферы услуг (Рис. 3).

При этом крайне негативно данные процессы отразились на стратегически важной отрасли обрабатывающей промышленности – машиностроении, что проявилось в резком сокращении объемов производства ключевых видов ее продукции. В частности, объем производства тракто-

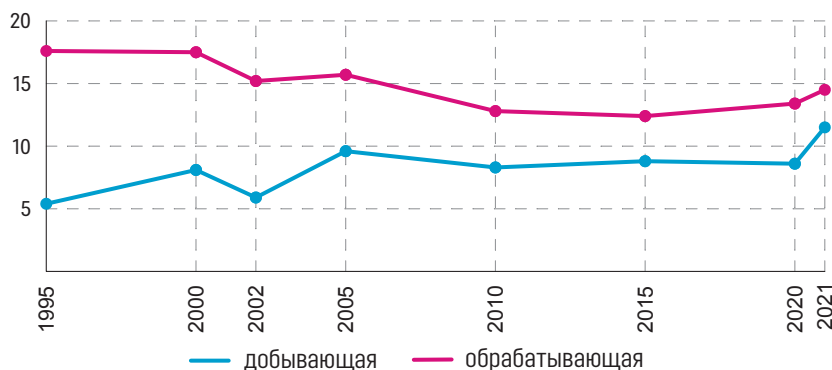

Рис. 3. Динамика доли добывающей и обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости (ВДС) в экономике России в 1995-2021 гг., %.

Данные по ВДС в отраслевом разрезе за 1995-2001 гг. приведены в соответствии с ОКОНХ (при этом к добывающей промышленности отнесена топливная промышленность, к обрабатывающей – черная металлургия, цветная металлургия, химическая и нефтехимическая, машиностроение и металлообработка, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов, легкая промышленность, пищевая промышленность), за 2002-2010 гг. – в соответствии с ОКВЭД 2007, за 2011-2021 гг. – с ОКВЭД 2.

Таблица 1 – Объемы производства ключевых видов продукции машиностроения в России (РСФСР) в 1990-2021 гг., тыс. шт.

Продукция	1990	2000	2015	2021	2021 к 1990, %	2021 к 2000, %	2021 к 2015, %
Тракторы на колесном ходу	92,6	6,9	5,5	7,5	8,1	108,7	136,4
Металлорежущие станки	74,2	8,9	3,4	7,2	9,7	80,9	211,8
Деревообрабатывающие станки	25,4	10,2	4,7	10,1	39,8	99,0	214,9
Экскаваторы	23,1	3,4	1,4	3,4	14,7	100,0	242,9
Бульдозеры	14,1	3	0,6	1,1	7,8	36,7	183,3
Тракторы на гусеничном ходу	121	12,4	0,403	0,279	0,2	2,3	69,2
Легковые автомобили	1103	969	1215	1365	123,8	140,9	112,3
Грузовые автомобили	665	184	128	186	28,0	101,1	145,3

Источник: данные Росстата.

Таблица 2 – Динамика численности населения России по федеральным округам в 1990-2021 гг., млн. чел.

Продукция	1990	2000	2015	2021	2021 к 1990, %		2021 к 2000, %	2021 к 2015, %
					%	млн. чел.		
ЦФО	38,1	38,2	39,0	39,2	102,9	1,1	102,6	100,4
СЗФО	15,3	14,3	13,8	13,9	90,9	-1,4	97,6	100,5
<i>в т.ч. Европейский Север России</i>	6,2	5,4	4,6	4,4	71,7	-1,8	81,8	95,4
ЮФО	20,9	22,8	16,4	16,5	78,9	-4,4	72,3	100,6
СКФО	—	—	9,7	10,0	—	—	—	103,0
ПФО	31,8	31,6	29,7	29,0	91,1	-2,8	91,6	97,5
УФО	12,7	12,5	12,3	12,3	96,7	-0,4	98,6	100,2
СФО	21,1	20,4	19,3	16,9	80,2	-4,2	83,1	87,7
<i>в границах 1990 г.</i>	21,1	20,4	19,3	18,9	89,6	-2,2	92,6	97,9
ДФО	8,1	6,9	6,2	8,1	100,7	0,0	118,0	130,7
<i>в границах 1990 г.</i>	8,1	6,9	6,2	6,1	75,4	-2,0	88,4	97,9

Источник: данные Росстата.

ров на гусеничном ходу в 2021 г. составлял лишь 0,2% от уровня 1990 г.; бульдозеров и колесных тракторов – около 8%, металлорежущих станков – 9,7% (Табл. 1).

Здесь же хочется привести несколько цифр, которые наглядно описывают утрату потенциала отечественного машиностроения через характеристику текущего состояния отрасли гражданского машиностроения. Так, по данным Минтранса РФ, в 2022 г. на самолеты зарубежного производства приходилось около 95% пассажирооборота страны. В свою очередь, средний возраст пассажирских воздушных судов, осуществляющих коммерческие воздушные перевозки, составляет 14,6 года, из них региональных пассажирских самолетов – 31 год¹.

¹ Источник: Комплексная программа развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1693-р)

Вместе с тем в связи с внедрением с 2015 г. ряда инструментов промышленной политики (создание фонда развития промышленности и др.) наметились некоторые тенденции к улучшению ситуации в сфере машиностроения за счет роста объемов производства в натуральных показателях (Табл. 1).

Наряду с глубокими трансформационными процессами в экономике в этот период произошло обострение и социальных проблем в российском обществе, которое проявляется прежде всего в форсированных темпах депопуляции населения Европейского Севера, Дальнего Востока (они потеряли почти ¼ своего населения: 1,8 и 2 млн чел. соответственно) и ряда южных субъектов (Табл. 2).

Другой острой проблемой является нарастание до крайне высоких значений уровня социального неравенства населения –

рост коэффициента дифференциации доходов (фондов) с 8 в 1992 г. до 15,1 – в 2021 г., (Рис. 4).

Такие трансформационные процессы в экономике и российском обществе привели к появлению прекариата как нового социального класса. Прекариат представляет собой широкий социальный слой занятых неформальной, временной работой, вовлеченных в теневую или «нелегитимизированный» сектор рынка труда зачастую исходя не из своей внутренней потребности, а вследствие навязывания данной модели поведения неолиберальной экономикой. Такие работники имеют урезанные социальные права. В России к прекариату, по оценкам ведущих ученых (член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко и др.), относится порядка 40-45% численности трудоспособного населения страны [3].

Выявленные выше негативные тенденции в экономике и

Политика «ухода» государства с Севера имела глубокие негативные последствия для данных территорий

социальной сфере привели к обострению проблем пространственного развития России, к числу наиболее важных среди которых в настоящее время относятся следующие:

- наличие беспрецедентного центростремительного вектора развития и локационное сжатие освоенного пространства;
- огромные межрегиональные различия, сопоставимые с контрастами межконтинентального размаха;
- слабая инфраструктурная обустроенность пространства и др.²

Существующие проблемы пространственного развития ведут к разрушению социально-экономических связей регионов и пространственной дезинтеграции экономики страны, о чем свидетельствует динамика доли межрегионального оборота в ВВП в постсоветский период: 1990 г. – 22%, 1999 г. – 12%, 2009 г. – 13%, 2019 г. – 13,2% [4; 5].

Для обеспечения национальной безопасности и полного суверенитета России в условиях обостряющихся внешних и внутренних вызовов возрастает роль вопросов консолидации государства и общества, управляемой трансформации не только экономики, но и культуры³, идеоло-

² Стратегия пространственного развития России до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р).

³ «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять бережение народа России и развитие человеческого потенциала». Источник: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809).

гии развития. Все это позволит сформировать понимание образа будущего России и повысить эффективность всей системы государственного управления, что и является стратегически важной задачей в современных условиях. Однако для этого необходимо понимание специфики произошедших трансформаций не только на федеральном, но и региональном, локальном уровнях.

Пространственные и социокультурные трансформации северных регионов России в постсоветский период

Россия является северной страной, поскольку к зоне Севера и приравненным к ней местностям, в соответствии с действующим законодательством, относится порядка $\frac{2}{3}$ ее площади.

При этом именно на этих территориях, на наш взгляд, последствия рыночных трансформаций проявились сильнее всего, потому что именно Север во всех странах является зоной, устойчивое развитие которой на-

ходится в непосредственной зависимости от прямого участия государства в его освоении и преобразовании; консолидации усилий государства, бизнеса и общества [6]. Однако либеральная модель развития Севера 90-х гг. XX века предполагала «уход» государства с Севера и освоение данной зоны крупными сырьевыми корпорациями в узких ареалах хозяйственной деятельности. Такая политика имела глубокие негативные последствия для данных территорий – пространственные и социокультурные.

Объектом исследования в данной работе является Европейский Север России (ЕСР). Состав ЕСР, согласно действующему Общероссийскому классификатору экономических регионов (ОК 024-95, утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 г. № 640), территориально повторяет границы Северного экономического района, существовавшего в период СССР, и включает в себя Архангельскую, Мурманскую области, Республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ. В состав ЕСР, на наш взгляд, справедливо включена и Вологодская область, поскольку она исторически относилась к Северу в рамках системы экономического районирования СССР (входила в состав Северного края (1929-1936), Северного экономического района (1982 – н.в.)). Эти террито-

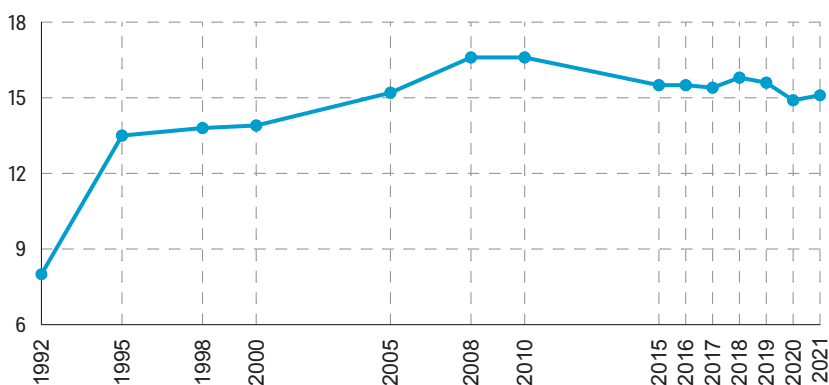

Рис. 4. Динамика коэффициента фондов* в Российской Федерации, раз.

Коэффициент фондов характеризует уровень социального расслоения общества и определяется как соотношение между средними уровнями доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% – с самыми низкими. Источник: Федеральная служба государственной статистики.

рии обладают огромным природно-ресурсным, промышленным, транзитным и геостратегическим потенциалом (согласно Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, Рис. 5).

Для хозяйственного развития регионов Севера в постсоветский период характерно форсированное локационное сжатие, т.е. концентрация хозяйственной деятельности в ограниченном числе центров экономического роста (крупные города и экономические центры нефтегазовых провинций) на фоне деградации и разрушения производственного, инфраструктурного и человеческого потенциала средних/малых городов и периферийных муниципалитетов, разрушения производственных связей городов и деревень.

Об усилении роли крупных городов (и формирующих во круг них городских агломераций), а также важнейших добывающих центров Севера свидетельствуют следующие данные по Вологодской области и Республике Коми как, соответственно, самому южному и одному из северных субъектов исследуемых нами территорий. Так, в Вологодской области в 1991-2021 гг. наблюдались процессы форсированной концентрации промышленного производства в ее «индустриальной столице» – Череповце (его доля увеличилась с 60 до 70%), Вологде (в настоящее время на нее приходится 14,6%), а также нескольких районах, находящихся преимущественно в зоне их непосредственного влия-

Рис. 5. Границы Европейского Севера России (Мурманская обл., Респ. Карелия, Вологодская обл., Архангельская обл., Респ. Коми, Ненецкий АО).

Таблица 3 – Доля муниципальных образований Вологодской области в общем объеме производства промышленной продукции региона, %

Муниципальное образование	1991	2021	2021 к 1991, п.п.
г. Череповец	60,1	70,4	+10,3
г. Вологда	17,0	14,6	-2,4
Грязовецкий муниципальный район	1,8	2,0	+0,2
Кадуйский муниципальный район	1,4	1,7	+0,3
Сямженский муниципальный район	0,1	0,4	+0,3
Нюксенский муниципальный район	0,1	0,2	+0,1
Остальные муниципальные районы (22 ед.)	19,4	10,6	-8,8

Источник: рассчитано авторами на основе данных Вологдастата.

Таблица 4 – Доля муниципальных образований Республики Коми в общем объеме производства промышленной продукции региона, %

Муниципальное образование	1997	2021	2021 к 1997, п.п.
Усинск	12,7	33,3	+20,6
Ухта	17,6	18,6	+1,0
Сыктывкар	16,7	16,9	+0,2
Печора	7,9	8,1	+0,2
Княжпогостский	0,8	4,8	+4,0
Вуктыл	1,7	2,7	+1,0
Усть-Вымский	0,7	1,5	+0,8
Прилузский	0,5	0,9	+0,4
Сыктывдинский	0,6	0,8	+0,2
Остальные (12 ед.), в т.ч.:	40,9	9,4	-31,5
Инта	7,5	0,3	-7,2
Воркута	23,2	6,0	-17,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Комистата.

ния. В свою очередь, доля остальных 22 районов в общем объеме промпроизводства области за исследуемый период снизилась почти в два раза (с 19,4 до 10,6%, Табл. 3).

В Республике Коми в качестве основных центров промышленности укрепили свои позиции г. Усинск, г. Сыктывкар, Ухта, Печора и др. В то же время в связи с затуханием экономической активности произошло разрушение потенциала целого ряда моногородов республики (Воркута, Инта и некоторые другие города промышленной периферии, Табл. 4).

В то же время в период СССР структура многих малых/средних городов Севера была более диверсифицированной: в них были развиты отрасли специализации как локального (строительство, перерабатывающая промышленность, машиностроение местного значения), так и регионального значения (внутренний вод-

ный транспорт, «знаниевые» отрасли, Табл. 5), которые за период рыночных трансформаций оказались фактически разрушенными.

Особенно негативно рыночные трансформации отразились на экономике сельских территорий Севера и их ключевой сфере – отрасли сельского хозяйства, исторически являющейся экономическим базисом для жизни огромного количества селян и соответственно фактором, закрепляющим население в деревне. Вместе с тем в 2021 г. объем производства сельхозпродукции в Мурманской области составлял лишь 13,3% уровня 1990 г., Архангельской области и Карелии – порядка ¼ (Рис. 6).

Особенно ярко это прослеживается по снижению почти на ¾ объемов производства в натуральных показателях (в частности, молока, мяса, зерновых, Табл. 6) и концентрации производств вокруг крупных городов.

Таблица 5 – Отрасли, составляющие «ядро» экономики ряда малых/средних городов Европейского Севера России

Город	Период СССР (II половина XX в.)	Современная Россия
1. Воркута	– угледобыча – «северная» наука (в сфере северного строительства и архитектуры, мерзлотоведения, экологии) – пищевая промышленность – швейное производство	– угледобыча – производство цемента – пищевая промышленность
2. Инта	– угольная промышленность – кирпичный завод – деревообрабатывающие производства	– переработка оленины – молочная промышленность – добыча природного газа
3. Кондопога	– целлюлозно-бумажное производство – горная промышленность (производство керамического сырья для фарфоро-фаянсовой промышленности) – кирпичный завод – лесная промышленность	– целлюлозно-бумажное производство – шунгитовый завод
4. Надвоицы	– алюминиевая промышленность – лесное промышленное хозяйство – транспорт (внутренний водный: Беломоро-Балтийский канал), железнодорожный (ст. Надвоицы Мурманской ж/д)	– производство алюминиевых радиаторов («Русский радиатор») – производство микрощунгита («Надвоицкий завод ТДМ»)
5. Великий Устюг	– лесная промышленность (деревообработка) – судоремонтный завод – внутренний водный транспорт (по р. Сухоне) – легкая промышленность (щетинно-щёточная фабрика) – пищевая промышленность (ликеро-водочный завод) – туризм	– лесная промышленность (лесоматериалы/пиломатериалы) – туризм – легкая промышленность (щетинно-щёточная фабрика) – пищевая промышленность (ликеро-водочный завод)

Примечание: курсивом выделены отрасли экономики города, фактически разрушившиеся в постсоветский период. Источник: [7].

Все обозначенные выше тенденции стали следствием деятельности частного капитала на Севере, логика развития которого была подчинена повышению коммерческой эффективности в ущерб эффективности общественной и национальной безопасности страны в стратегической перспективе. При этом, разрушив экономический базис многих сельских территорий, а также малых городов, альтернативных «драйверов» их развития к настоящему времени, к сожалению, так и не было создано.

В сфере экономического развития Севера крайне актуальными остаются проблемы и в сфере инфраструктуры: развитость внутри- и межрегиональных транспортных сетей весьма низкая, особенно в сельской местности. Несмотря на некоторую активизацию темпов строительства дорог в 2000-х гг., в настоящее время плотность автомобильных дорог в субъектах ЕСР по-прежнему почти на порядок ниже, чем в странах Северной Европы (Табл. 7).

Особенно остро проблема инфраструктурного обеспечения

стоит в сельской местности. В частности, почти половина сельских населенных пунктов в Архангельской области не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с ключевыми транспортными магистралями и узлами региона, в Коми и Вологодской области – 13 (Рис. 7). Все это ограничивает связность пространства и увеличивает затраты на преодоление расстояния.

Данные негативные процессы в экономике стали причиной

обострения социальных проблем Севера, одной из ключевых среди которых являются высокие темпы депопуляции (особенно на селе), которые обусловлены как естественной, так и значительной миграционной убылью населения. Так, в 1990-2021 гг. ЕСР потерял почти 1,8 млн человек, или 29% своего населения (на селе и вовсе 37,1%, Табл. 8).

Основной вектор миграции – регионы Центральной России, а внутри самих субъектов Евро-

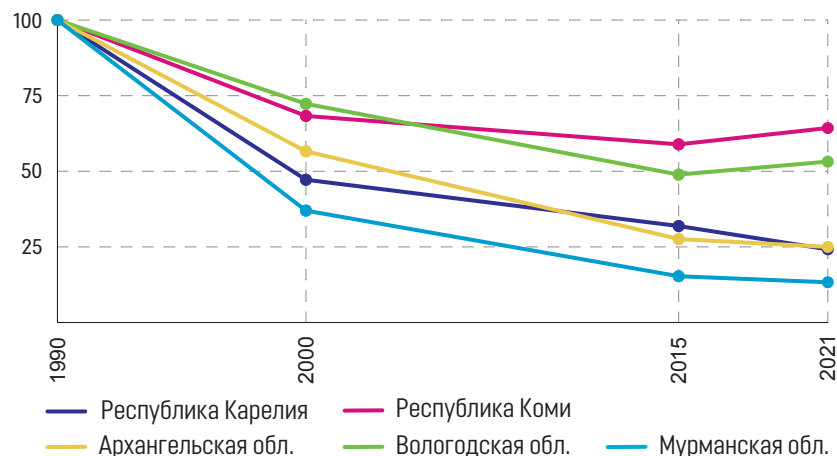

Рис. 6. Индекс физического объема производства продукции сельского хозяйства субъектов Европейского Севера России, в % к 1990 г.

Таблица 6 – Производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий субъектов Европейского Севера России

Субъект ЕСР	1990	2000	2015	2021	2021 к 1990, %	2021 к 2000, %	2021 к 2015, %
Производство молока, тыс. тонн							
Республика Карелия	176,2	85,7	68,3	59,3	33,7	69,2	86,8
Республика Коми	207	105,9	56,5	53,9	26,0	50,9	95,4
Архангельская область	391,6	173,1	121,3	137,8	35,2	79,6	113,6
Вологодская область	755,3	494,9	469,6	588,8	78,0	119,0	125,4
Мурманская область	82	26,9	18,8	16,9	20,6	62,8	89,9
Производство мяса крупного рогатого скота (в убойном весе), тыс. тонн							
Республика Карелия	9,1	3,5	1,4	1,3	14,3	37,1	92,9
Республика Коми	13,9	6,6	2,4	1,9	13,7	28,8	79,2
Архангельская область	28,8	9,9	2,9	2,9	10,1	29,3	100,0
Вологодская область	54,7	22,2	12	12,4	22,7	55,9	103,3
Мурманская область	4,3	0,9	0,5	0,4	9,3	44,4	80,0
Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур, тыс. центнеров							
Республика Карелия	8,5	18,0	0,1	н. д.	–	–	–
Республика Коми	5,7	5,0	0,1	н. д.	–	–	–
Архангельская область	987,3	98,5	50,7	н. д.	–	–	–
Вологодская область	3822,2	2203,4	2527,0	1088,1	28,5	49,4	43,1
Мурманская область	3,7	н. д.	н. д.	н. д.	–	–	–
Валовой сбор картофеля, тыс. центнеров							
Республика Карелия	1060,9	938,9	473,5	281	26,5	29,9	59,3
Республика Коми	1275,4	2188,8	778,7	554,3	43,5	25,3	71,2
Архангельская область	1669,7	3759,2	1071,3	887,1	53,1	23,6	82,8
Вологодская область	3223,2	4815,2	1679,9	1836,5	57,0	38,1	109,3
Мурманская область	35,1	211,6	50,4	78,9	224,8	37,3	156,5

Составлено авторами на основе: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 10.12.2022 г.), [8].

Таблица 7 – Динамика численности населения России по федеральным округам в 1990-2021 гг., млн. чел.

Субъект	Год				2020 к 1990, %	2020 к 2000, %	2020 к 2015, %
	1990	2000	2015	2020			
РФ	23,0	31,0	61,0	64,0	в 2,8 раза	в 2,1 раза	104,9
Вологодская область	44,0	81,0	118,0	116,0	В 2,6	143,2	98,3
Республика Карелия	35,0	38,0	47,0	47,0	134,3	123,7	100,0
Архангельская область	7,8	12,1	21,0	21,0	269,2	173,6	100,0
Мурманская область	16,0	17,0	23,0	24,0	150,0	141,2	104,3
Республика Коми	5,4	12,6	16,0	16,0	296,3	127,0	100,0
Финляндия	258,0	258,0	257,0	231,2	89,6	89,6	89,9
Норвегия	248,0	250,0	259,0	242,5	97,8	97,0	93,6

Источник: Росстат, OECDstat.

пейского Севера России – из села в город. Одна из причин миграции кроется в снижении уровня жизни населения на фоне стагнации экономики, деградации социальной сферы, а также низкой эффективности многих компенсаторных механизмов проживания на Севере.

А что происходит с обществом, которое живет в этих условиях?

Это как раз показывает мониторинг общественного мнения,

проводимый с 1996 г. ВолНИЦ РАН в Вологодской области. Он позволяет на цифрах, в динамике наглядно увидеть процессы социокультурной трансформации не только населения Европейского Севера России, но и России в целом.

Наши исследования показывают, что для населения стал характерен высокий и стабильно повышающийся с 2004 года уровень неуверенности в буду-

щем (так отмечают 45-60% граждан; это, конечно, не 80% как в конце 1990-х, но все-таки, Рис. 8), что является следствием, на наш взгляд, негативных процессов в экономике северных территорий России (прежде всего, малых и средних городов, а также сельской местности), разрушением экономического базиса жизни широких слоев населения.

Другой негативной чертой, вызванной в том числе внедре-

Таблица 8 – Динамика численности населения Европейского Севера России

Территория	Год				2021 к 1990	
	1990	2000	2010	2021	тыс. чел.	%
Численность постоянного населения в среднем за год, тыс. чел.						
Вологодская обл.	1354,1	1295,0	1204,8	1145,3	-208,8	84,6
Архангельская обл.	1572,2	1379,7	1231,2	1076,2	-496	68,5
Республика Коми	1244,4	1050,4	905,6	808,5	-435,9	65,0
Мурманская обл.	1190,1	932,0	796,9	728,7	-461,4	61,2
Республика Карелия	791,6	732,1	645,7	606,1	-185,5	76,6
Ненецкий АО	51,8	41,1	42,1	44,5	-7,3	85,9
Итого по ЕСР	6204,2	5430,3	4826,3	4409,3	-1794,9	71,1
РФ	147969,4	146596,9	142849,5	145864,3	-2105,1	99
Численность сельского населения, тыс. чел.						
Вологодская обл.	464,6	404,8	356,3	311,5	-153,1	67,0
Архангельская обл.	394,4	331,8	288,5	227,1	-167,3	57,6
Республика Коми	300,4	258,8	209,9	174,8	-125,6	58,2
Республика Карелия	144,9	187,7	142,7	113,1	-31,8	78,1
Мурманская обл.	101,1	72,3	57,5	57,6	-43,5	57,0
Ненецкий АО	18,8	15,5	13,7	11,4	-7,4	60,6
Итого по ЕСР	1424,2	1270,9	1068,6	895,5	-528,7	62,9
РФ	38898,8	39351,3	37608,1	36790,3	-2108,5	94,6

Ранжировано в порядке убывания значений за 2021 г. Составлено по данным Росстата.

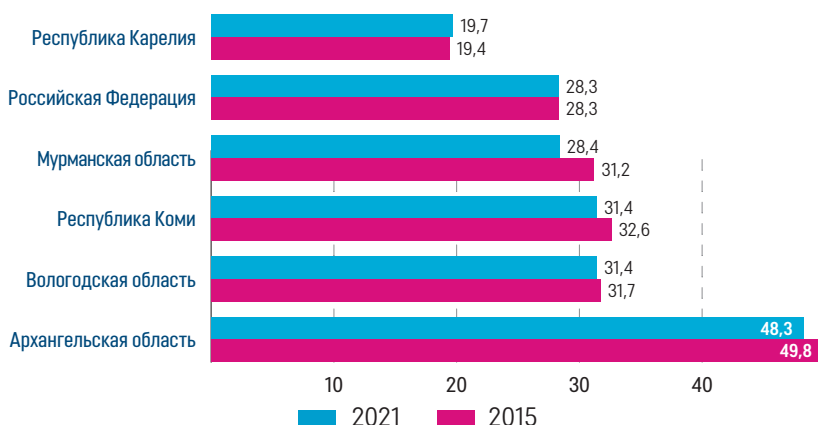

Рис. 7. Доля сельских населенных пунктов, не имеющих автотранспортной связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования (ближайшей ж/д станцией, портом (пристанью), аэропортом), % от их общего числа.

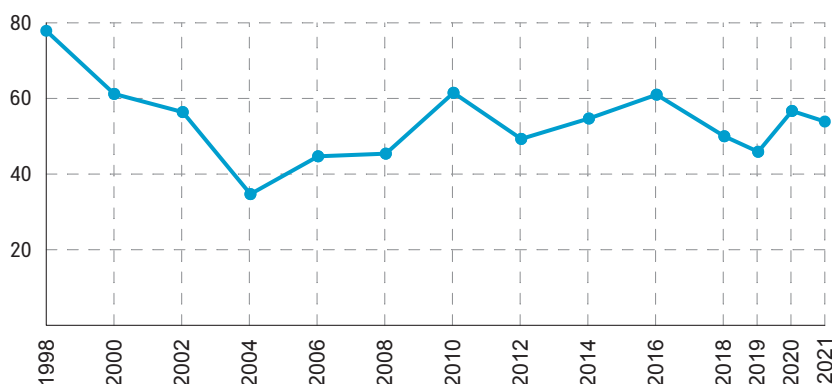

Рис. 8. Доля людей, не уверенных в завтрашнем дне, в % от числа опрошенных.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

нием в современное общество либеральных норм поведения, является низкий уровень межличностного доверия (около 80% населения доверяют в лучшем случае «только самым близким друзьям и родственникам», а ¼ – никому не доверяют, Табл. 9).

Однако на фоне этого по-прежнему у населения имеет место крайне высокая потребность в социальной справедливости (по видимому, вследствие её «дефицита»). Лишь 15-18% опрошенных считают, что наше общество устроено справедливо, а почти 60% придерживаются противоположной точки зрения (Рис. 9). Как в свое время отмечали специалисты Института социологии РАН, основываясь на результатах общероссийских исследований, потребность в социальной справедливости в российском обществе находится на третьем месте после потребности «жить в достатке, иметь возможность жить, не считая копейки» и потребности «в хорошем здоровье» [9].

Описанные феномены являются следствием негативных процессов в социально-экономической сфере регионов, однако они, в свою очередь, в дальнейшем сами оказывают влияние на формирование более глубоких установок и моделей поведения общества. В частности, за последние почти 25 лет в российском обществе снизилось значение большинства (14 из 18) морально-нравственных качеств, которые были характерны для социалистического общества и отражающих отношение людей к своей жизни в целом, к своей стране, профессии, окружающим людям и т.д.

Люди стали чаще говорить о том, что для них не важна:

отзывчивость (с 13,6 до 21,9%);
взаимопомощь (с 11,9 до 19,4%);
терпимость (с 13,3 до 21,1%);
порядочность (с 6,3 до 13%);
честность (с 7,1 до 13,8%) и др. (Табл. 10).

Люди стали чаще говорить, что для них «приемлема и вполне нормальна» лень (на 20 п.п.),

Таблица 9 – Уровень межличностного доверия, в % от числа опрошенных

Показатель	2011	2012	2014	2016	2018	2019	2020	2021	2022
Только самым близким друзьям и родственникам	56,5	54	53,4	61,1	56,6	54,0	53,9	55,8	55,6
В наше время никому нельзя доверять	24,7	28,4	27,9	25,5	27,0	27,4	26,5	25,2	25,8
Большинству знакомых мне людей можно доверять	16,1	14,9	12,2	11,0	13,3	14,9	16,2	16,2	15,6
Доверять можно всем людям без исключения	2,5	2,4	3,1	2,4	1,9	2,4	3,3	2,8	3,0

Вопрос задается 1 раз в год, с 2011 г. Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

стремление поменьше работать / побольше получать (на 13 п.п.), зазнайство и высокомерие (на 9 п.п.), подхалимство и угодничество (на 7 п.п.), взяточничество (на 4 п.п., Табл. 11).

В своих исследованиях мы приходим к выводу о том, что причина этих проблем в глубоком проникновении ценностей западной либерально-демократической парадигмы в сознание и в практическую жизнь российских государственных и бизнес-элит, значительная часть которой, собственно, и формировалась в период «лихих 90-х», а также и определенных слоев населения⁴. Сейчас этот момент осознается особенно четко и требует кардинального пересмотра приоритетов и инструментов государственной политики с учетом нарастающих внешних и внутренних вызовов.

Приоритеты и инструменты повышения эффективности государственного управления

В такой ситуации важным, на наш взгляд, является совершенствование федеральной и региональной социально-экономической политики, которая должна быть направлена на мобилизацию и эффективное использование внутренних факторов развития страны

⁴ «Ни для кого не является секретом, что правящий класс, пришедший на «приватизационной» волне 90-х, и обслуживающее его чиновничество и интеллигенция, проводящие линию на сдачу государственных интересов и отстаивающие интеграцию России в западное общество, сохранили в основном свои позиции в структурах власти и пытаются реализовать свои клановые интересы... Да, в последнее время в этой среде начались чистки..., но многие остались на своих местах и продолжают свою разрушительную деятельность». Источник: [11].

Таблица 10 – Доля людей, считающих неважными следующие морально-нравственные качества..., в % от числа опрошенных

Явления / поступки	1996	2020	2020 к 1996, п.п
Отзывчивость, чуткость к другим людям	13,6	21,9	+8
Взаимопомощь и взаимовыручка	11,9	19,4	+8
Терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей	13,3	21,1	+8
Порядочность	6,3	13,0	+7
Честность, правдивость	7,1	13,8	+7
Чувство собственного достоинства	8,7	15,5	+7
Высокий профессионализм	14,7	21,5	+7
Уважение к родителям, близким	6,8	11,5	+5
Уважение коллектива	14,1	19,1	+5
Выполнение служебных обязанностей	12,2	17,4	+5
Проявлять сострадание, милосердие	19,6	23,9	+4
Соблюдение законов, законопослушность	19,3	23,0	+4
Справедливость	8,1	11,3	+3
Уважение к чужой (частной, государственной) собственности	21,8	24,8	+3
Быть полезным обществу, выполнять обязанности гражданина	28,5	27,8	-1
Уважение к старшим	15,7	14,1	-2
Уважение к людям других национальностей	37,2	30,1	-7
Равенство между людьми	34,6	26,3	-8
ИТОГО:			
Количество положительных изменений			2
Количество отрицательных изменений			14
Отсутствие изменений			2

Ранжировано по изменению доли тех, для кого перечисленные морально-нравственные качества являются неважными. Формулировка вопроса «Люди по-разному оценивают различные жизненные явления. Для одних важно одно, для других – другое... Что из перечисленного ниже важно для Вас, а что нет?». Источник: [10].

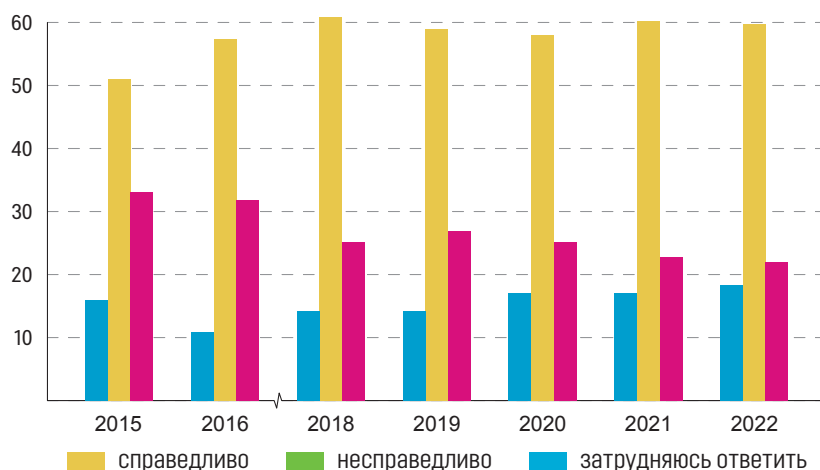

Рис. 9. Распределение ответов населения на вопрос: «Как Вы считаете, современное российское общество устроено справедливо или несправедливо?»

Вопрос задается с 2015 г. Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таблица 11 – Доля людей, считающих «приемлемым, вполне нормальным» следующие из перечисленных негативных явлений и поступков..., в % от числа опрошенных

Явления / поступки	1996	2020	2020 к 1996
Лень	22,3	42,6	+20
Стремление поменьше работать, побольше получать	36,1	49,1	+13
Зазнайство, высокомерие	10,9	20,0	+9
Подхалимство, угодничество	9,0	15,7	+7
Неуважительное отношение к женщине	5,6	11,4	+6
Взятки	10,7	14,2	+4
Отказ от военной службы	40,2	44,5	+4
Увлечение вещами	56,8	60,6	+4
Хищения	7,8	10,7	+3
Наркомания	2,0	5,4	+3
Легкомысленное отношение к семье, детям	3,9	6,0	+2
Сверхвысокие заработки	53,4	54,2	+1
Увлечение алкоголем	19,6	17,9	-2
Жизнь по принципу «ты мне – я тебе»	46,4	44,7	-2
Курение	64,9	62,5	-2
ИТОГО:			
Количество положительных изменений			0
Количество отрицательных изменений			10
Отсутствие изменений			5

Источник: [10].

(социокультурных, экономических, пространственных):

• *на федеральном уровне:*

Нужна реальная «национализация» правящих элит, стратегическим ориентиром деятельности которых должна стать реализация суверенной государственной политики в рамках нового общественно-договорного условия экономической, военной и социокультурной конфронтации со странами коллективного Запада.

При этом важно, чтобы контуры такого нового общественно-договорного условия включали следующие важнейшие элементы, а именно:

формирование четкого образа будущего и идеологии страны (последней, по мнению д-ра экон. наук Е.В. Балацкого, может стать идеология Русской Цивилизации) [12];

трансформация экономического строя страны, которой может стать смешанная экономика рыночного типа с элементами государственного стратегического планирования, ориентированная на использование и развитие внутреннего потенциала стра-

ны (общества и экономики) и внедрение достижений научно-технологического прогресса (4-промышленная революция); интеграция и взаимосогласованное функционирование финансовых (Банк России и Минфин) и экономических федеральных органов власти (Министерство экономического развития) в целях обеспечения экономического роста страны;

борьба с крайними формами социального неравенства в российском обществе;

обеспечение дебюрократизации экономики, персональной ответственности чиновников всех уровней иерархии за достижение планируемых результатов и др.

• *на региональном уровне:*

В рамках обозначенных выше приоритетов перспективными инструментами государственной экономической и пространственной политики по отношению к северным регионам, на наш взгляд, могут стать:

а) *формирование полицентричной пространственной структуры* на основе развития агломераций (с численностью населения

менее 500 тыс. чел.) как новых центров роста и модернизации экономики Севера.

В рамках развития данного научного направления в ВолНЦ РАН в 2021 г. была подготовлена информационно-аналитическая записка «Механизм управления формированием и развитием городских агломераций Европейского Севера России», где обоснована возможность формирования и развития 10 агломераций как центров роста экономики северных территорий.

В апреле 2021 г. данные материалы были разосланы в федеральные органы власти (Государственная Дума и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации), высшим должностным лицам субъектов РФ, в муниципалитеты агломераций, научные организации.

По итогам анализа 36 отзывов, полученных на ИАЗ, можно отметить, что:

во всех их поддержана необходимость развития городских агломераций, в т. ч. с численностью населения менее 500 тыс. жителей⁵.

нашли одобрение предложения ФГБУН ВолНЦ РАН по формированию механизма управления развитием городских агломераций.

Такие агломерации могут стать центрами концентрации производственного, человеческого и научного потенциала для реализации инвестиционных проектов-«локомотивов», обеспечивающих социально-экономическое развитие территорий Севера.

б) *модернизация экономики малых/средних городов*, развитие их

⁵ Справочно: В дальнейшем (25 июня 2022 г.) в Стратегию пространственного развития РФ до 2025 года были внесены изменения:

– введено понятие городской агломерации – «совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 250 тыс. человек...»

– перечислены «Перспективные центры экономического роста субъектов РФ, в том числе образующие городские агломерации с численностью населения менее 500 тыс. человек».

как опорных населенных пунктов северного пространства.

Стратегически важной задачей модернизации экономики малых и средних городов Севера является, с одной стороны, налаживание тесной производственной кооперации с агломерациями при реализации крупных народнохозяйственных проектов, а с другой – обеспечение развития их как организационно-хозяйственных, производственных и культурно-просветительных центров для сельской местности [13] (Табл. 12).

в) *возрождение*, в т.ч. на инновационной основе, социально-экономических связей по линии «город – село».

Рыночные реформы 1990-х привели к разрушению таких устойчивых связей, что вызвало деградацию потенциала северного села [15]. В текущей ситуации актуальным является удлинение существующих цепочек, создание добавленной стоимости посредством развития экономической (производственной, сбытовой и др.) кооперации городских и сельских производителей, переноса в сельскую местность отдельных стадий производственных процессов; развитие связующей инфраструктуры (транспортной, ИКТ) и др. (Рис. 10).

Реализация комплекса данных мероприятий, на наш взгляд, позволит повысить эффективность использования внутреннего потенциала северных территорий, в т.ч. за счет возрождения на инновационной основе производственных и социально-экономических связей по линии «крупный город – средний/малый город-село», разрушенных в 30-летний период рыночных трансформаций. Это станет основой обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности России. ■

Таблица 12 – Приоритетные направления развития экономики малых и средних городов Европейского Севера России в рамках узловой полицентричной модели организации пространства региона

Отрасли «традиционной» экономики	Отрасли «новой» экономики
<p>Предприятия и организации традиционных отраслей экономики:</p> <ul style="list-style-type: none"> – выпускающие однородную продукцию в видах деятельности, не подверженных эффекту масштаба (текстильная промышленность, механическая обработка металла, дерева, пластмасс, некоторые химические производства); – использующие для своих производственных нужд небольшие запасы местных сырьевых ресурсов (предприятия по производству строительных материалов, мебели, торфопредприятия и др.); – по переработке малотранспортабельной или скоропортящейся сельхозпродукции, производимой в сельской местности; – по выполнению функций организующих, производственно-хозяйственных и обслуживающих центров сельской местности, тяготеющей к малому городу (ремонт сельхозтехники, дорог и транспортных средств и др.); – по обеспечению транзитных транспортных связей между крупными территориально-хозяйственными комплексами или элементами одного комплекса; – народных промыслов, складывающиеся преимущественно на основе использования навыков местного населения. 	<p>Постиндустриальные производства, в том числе для нужд Арктики: биотехнологии, электронная промышленность, наукоемкие деловые услуги и др., ориентирующейся в своем размещении на новые факторы: знания, инновации, предпринимательскую энергию, венчурный капитал, квалификацию кадров и т.п.</p>

Составлено с опорой на [14].

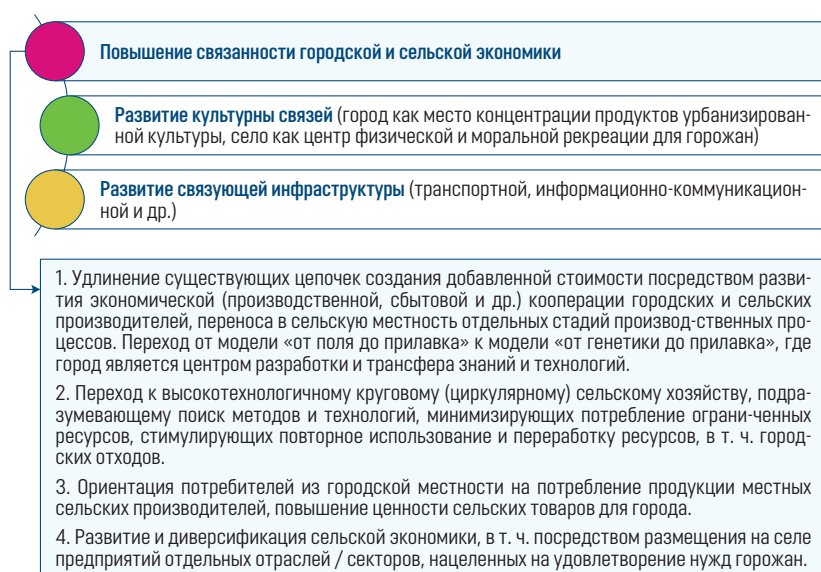

Рис. 10. Стратегические направления для активизации сотрудничества городских и сельских территорий: экономика, инфраструктура, культура.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 4. С. 42–59.
- [2] Дугин А. О фронтах идущей глобальной войны. 26.09.2017. URL: <http://ruspravda.info/Dugin-o-frontah-idushchey-globalnoy-voyni-28987.html> (дата обращения: 10.11.2022).
- [3] Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 7–8.
- [4] Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.
- [5] Гусев А. Ослабленная экономическая интеграция регионов России – угроза территориальной целостности страны // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 50–66.
- [6] Лаженцев В.Н. Природно-ресурсная экономика и территориальная организация хозяйства Арктики и Севера России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (5). С. 53–68. DOI: [10.23932/2542-0240-2019-12-5-53-68](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-53-68).
- [7] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107.
- [8] Патракова С.С. Ресурсные возможности сельского хозяйства Вологодской области в обеспечении продовольствием Европейского Севера России // АгроЗооТехника. 2019. Т. 2. № 4. DOI: [10.15838/alt.2019.2.4.6](https://doi.org/10.15838/alt.2019.2.4.6). URL: <http://azt-journal.ru/article/28420> (дата обращения: 10.11.2022).
- [9] О чём мечтают россияне (размышления социологов) : Аналитический доклад / Институт социологии РАН. М., 2012. 181 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
- [10] Ильин В.А., Морев М.В. Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 9–41. DOI: [10.15838/esc.2022.3.81.1](https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.1).
- [11] Апухтин Ю. Почему российская элита противится проведению спецоперации / Военное обозрение. 03.08.2022. URL: <https://topwar.ru/199775-pochemu-rossijskaja-jelita-protivitsja-provedeniju-specoperacii.html> (дата обращения: 10.11.2022).
- [12] Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022 Т. 14. № 3. С. 74–90.
- [13] Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: монография / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 523 с.
- [14] Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: [10.15838/esc.2019.6.66.5](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.5).
- [15] Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5 (20). С. 14–30.

SPATIAL AND SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION OF RUSSIA: A VIEW FROM THE REGION

AUTHORS' INFORMATION:

Vladimir A. Ilyin

ORCID: [0000-0003-4536-6287](https://orcid.org/0000-0003-4536-6287)

Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences
(56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia)

✉ ilyn@vscc.ac.ru

Sergey A. Kozhevnikov

ORCID: [0000-0001-9063-6587](https://orcid.org/0000-0001-9063-6587)

Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences
(56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia)

✉ kozhevnikov_sa@bk.ru

KEYWORDS:

spatial development, sociocultural transformation, Russia, northern regions, geopolitical challenges.

ABSTRACT:

With the intensification of the existing geopolitical contradictions the task of increasing the efficiency of public administration based on internal development factors of the country and the regions takes on new urgency. For this, it is essential, first of all, to comprehend the intermediate results of national development in the context of the 1992-2022 liberal model, the results and consequences of the spatial and sociocultural transformation of the regions, also, to substantiate the priorities and tools for improving state policy, considering the current challenges. These circumstances provided the relevance of the given paper.

The purpose of the research: to study the features, consequences of the spatial and sociocultural transformation of the Russian regions in the post-Soviet period and to offer public administration efficiency improvement tools to ensure their integrated development.

Methodology. The monographic, comparative, historical, sociological, economic and statistical methods were used in the research.

Outcomes and findings. The result of Russia's development in the context of liberal model was identified as a significant destruction of the country's industrial potential and its technological sovereignty due to the growing depression in the manufacturing industry; accelerated rates of depopulation in the North, the Far East and the rural areas; exacerbation of social inequality problems, etc. In addition, these negative trends were revealed to be especially acute in the northern regions, which make up 2/3 of the country's area. The article makes a case for the spatial development of these territories which is characterized by the forced locational compression, i.e., the concentration of economic activity in a limited number of economic growth centers against the destructive background of the human, economic, infrastructural potential of medium/small towns and peripheral municipalities. It is shown that these negative processes had a significant impact on the socio-cultural transformation of the regions of the North (increased numbers of people who are not sure about their future; low level of interpersonal trust; certain destruction of traditional moral values, etc.).

Grounds are given for priorities and instruments of state policy for the regional integrated development based on their potential. At the federal level, they are connected, first of all, with the new social contract and the image of the national future development. The policy priorities at regional level may be a polycentric spatial structure based on the 'second order' agglomerations development; economy modernization of small/medium-sized towns, their development as supporting settlements; restoration, including on an innovative basis, of socio-economic connections along the 'urban-rural' line.

Application area. The scientific significance of the research lies in the identification of fairly strong relationships between the economic, spatial and socio-cultural transformation of the Russian society. The practical importance of the work is that these findings can be used for the federal and regional socioeconomic policy improvement.

FOR CITATION:

Ilin V.A., Kozhevnikov S.A. (2022). Spatial and sociocultural transformation of Russia: a view from the region, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 16–29.

REFERENCES:

- [1] Balatsky E.V. (2022). Russia at the epicenter of geopolitical turbulence: the accumulation of global contradictions, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 15, no. 4, pp. 42–59.
- [2] Dugin A. On the fronts of a walking global war. 26.09.2017. URL: <http://ruspravda.info/Dugin-o-frontah-idushchey-globalnoy-voini-28987.html> (accessed 10.11.2022).
- [3] Toshchenko Zh.T. (2015). Precariat – a new social class, *Sociological studies*, no. 6, pp. 3–13.
- [4] Granberg A.G. (1999). Regions in the economic space of Russia, *Economics of the North-West: problems and development prospects*, no. 2, pp. 4–12.
- [5] Gusev A. (2011). The weakened economic integration of the regions of Russia is the threat of territorial integrity of the country, *Society and Economics*, no. 10, pp. 50–66.
- [6] Lazhentsev V.N. (2019). The natural resource economy and the territorial organization of the economy of the Arctic and the north of Russia, *The contours of global transformations: politics, economics, law*, no. 12 (5), pp. 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-53-68.
- [7] Kozhevnikov S.A. (2022). Spatial integration of the economy: theoretical concepts and problems of provision at the regional level, *ECD*, no. 3 (573), pp. 84–107.
- [8] Patrakova S.S. (2019). The resource capabilities of agriculture of the Vologda region in providing food to the European North of Russia, *AgroZooTechnics*, vol. 2, no. 4. DOI: 10.15838/alt.2019.2.4.6. URL: <http://azt-journal.ru/article/28420> (accessed 10.11.2022).
- [9] What the Russians dream of (thoughts of sociologists). Analytical report. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2012. 181 p. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (accessed 10.11.2022).
- [10] Ilin V.A., Morev M.V. (2022). Difficult road after Rubicon, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 15, no. 3, pp. 9–41. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.1.
- [11] Apukhtin Yu. Why the Russian elite opposes the conduct of a special operation. Military review. 03.08.2022. URL: <https://topwar.ru/199775-pochemu-rossijskaja-jelita-protivitsja-provedeniju-specoperacii.html> (accessed 10.11.2022).
- [12] Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022). Public treaty in Russia: before and after 2022, *Journal of Institutional Research*, vol. 14, no. 3, pp. 74–90.
- [13] Chernysh M.F., Markin V.V. (eds) (2022). The spatial development of small cities: social strategies and practices. Monograph. Moscow, FCTAS RAS. 523 p.
- [14] Kozhevnikov S.A. (2019). The spatial and territorial development of the European North of Russia: trends and priorities of transformation, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 12, no. 6, pp. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5.
- [15] Nefedova T.G. (2008). Russian periphery as a socio-economic phenomenon, *Regional Studies*, no. 5 (20), pp. 14–30.